

Отзыв

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора кафедры специальных исторических дисциплин, методики преподавания истории и обществоведения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» Николая Александровича Мининкова на диссертацию Ряжева Андрея Сергеевича «Политика Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в XVIII в. (старообрядцы, мусульмане, католики)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Актуальность проблемы, поставленной в диссертации А.С.Ряжева, представляется несомненной. Это не только существенная составная часть внутренней политики Российской империи, но и весьма действенное средство продвижения ее интересов во внешней политике. Это вместе с тем один из важных факторов формирования и укрепления политического единства страны в рамках большого имперского пространства с разнообразным по культурному, этническому и конфессиональному составу населением. Исследование указанной проблемы позволяет более полно, глубоко и конкретно уяснить, какими методами на протяжении раннего нового времени власть Российской империи вела работу с населением, не принадлежавшим к господствовавшей православной церкви, как и насколько успешно добивались реэмиграции уходивших за пределы государства старообрядцев и привлечения европейских колонистов. Вместе с тем исследование проблемы дает возможность конкретного выявления типичных признаков политического и социокультурного феномена империи с присущим ей значительным культурно-этническим и религиозным разнообразием как ярко выраженным ее отличительным признаком. Отсюда, следовательно, исследование указанной проблемы дает большой и хорошо изученный материал для политологических и культурологических характеристик имперского государства, и является, таким образом, исторической частью междисциплинарной проблемы типологии

политических систем в новое время. Все это позволяет, как представляется, одобрить данную проблему и признать ее интересной в научном отношении.

Сформированная А.С. Ряжевым структура исследования соответствует проблеме. В ней выделены пять глав, посвященных основным вопросам темы. Теоретическая часть правомерно выделена в отдельную главу, в которой дается анализ историографии, источниковой базы, методологии и исследовательских методов. Четыре последующие главы содержат анализ конфессиональной ситуации на южной и юго-восточной окраине страны и на смежных территориях, относящихся к соседним государствам. Для комплексной характеристики внутреннего положения предложен авторский анализ отношений государства со старообрядцами, мусульманами, калмыками, особенно важный потому, что это было служилое население. Для ситуации на порубежных территориях это вопрос о старообрядческой эмиграции и о диссидентах на землях Речи Посполитой. Правомерно целая глава посвящена отношениям имперских властей с католическим населением, входившим в состав России по результатам разделов Польши и в связи с прибытием в страну западноевропейских поселенцев. Такая структура с достаточной полнотой охватывает важнейшие стороны проблемы, имеет черты внутреннего единства и поэтому может быть одобрена.

Правомерно весьма значительное внимание уделено обоснованию методологии исследования, которая представлена в третьем параграфе первой главы. Понятие методологии употреблено А.С. Ряжевым в широком смысле, поскольку включает в себя как вопросы, относящиеся к теоретическому обоснованию положений и выводов, к исследуемому объекту и предмету, так и методологию в узком смысле, как обоснование теории исследования. Такое употребление понятия о методологии исторического исследования возможно, при том, что существует также более четкое разделение на теоретическую базу исследования и его методологию в узком смысле. Что касается теоретического обоснования исследования, то, как

представляется, А.С.Ряжев удачно использовал понятие веротерпимости в качестве его базы (с. 65). Не вызывает сомнения использование также понятий об абсолютизме и о просвещенном абсолютизме, предложенных автором. При этом понятие просвещенного абсолютизма (с. 66–79), как подчеркивает А.С.Ряжев, не вполне проработано в теоретическом отношении (с. 52–53). Эти понятия с темой прямо связаны, поскольку условия и того, и другого сложного политического и социокультурного явления накладывали свой отпечаток на отношение к меньшинствам и их религиозным убеждениям, и на политику в отношении конфессиональных меньшинств. Вместе с тем, кажется, было бы желательно привлечение такого основополагающего для данной темы понятия, как империя. В самом деле, понятия империи и сама идея империи имеет самую тесную связь с понятием веротерпимости и толерантности. На этом основано построение имперского пространства означает также определенную степень сплочения культур, которую, конечно же, не следует переоценивать. Поэтому, вероятно, что привлечение понятия империи к числу основополагающих научных понятий, на которых строится исследование данной темы, вполне возможно, и, скорее всего, было бы желательно. Что касается методологии в узком смысле слова, то она представляется обоснованной. Методология А.С.Ряжева в целом традиционная, с опорой на принципы научного исторического познания, выработанные исторической наукой на стадии ее, по выражению А.В.Лубского, классической модели. Конечно, эта модель в новейшее время неоднократно подвергалась критике. Тем не менее, она до наших дней используется исследователями, поскольку на ее основе возможно достижение поставленных в исследованиях целей и получение интересных результатов. В самом деле, в данном случае опора на принципы объективности и историзма несомненна, а конфессиональная ситуация в стране и конфессиональная политика российских властей соответствовали политической и культурной ситуации того времени. Принцип детерминизма также несомненен, так как исследование предполагает построение

объяснительной модели, позволяющей уяснить причинно-следственные связи, характер и особенности политики в отношении разных религиозных меньшинств. Возможно, что желательна была бы опора на принцип понимания человека, общества и культуры изучаемого периода, который характерен для исторической науки новейшего времени, так как, очевидно, что меры по отношению к религиозным меньшинствам и отношение, в свою очередь, их к этим мерам предполагают необходимость их понимания. Тем более, что, в самом деле, при анализе конкретных ситуаций стремление автора к пониманию принимавшихся политических решений проявлялось. Методы исследования, как общенаучные, так и специально исторические, обоснованы убедительно.

Производит впечатление обстоятельность и глубина проработки историографии проблемы. Анализ широкого круга литературы разных периодов в ее развитии позволил А.С.Ряжеву выделить три этапа в осмыслении поставленной проблемы. Указанная им хронология этих этапов, охватывающая XVIII–XIX вв., XX в. и современный период, в целом приемлемая, но она с налетом некоторого хронологического уклона. Между тем, процессы в историографическом осмыслении данной проблемы, которые А.С.Ряжев четко выделил, и анализ им конкретных историографических ситуаций, дают основания для внесения некоторых коррективов в эту четкую хронологию. Так, все-таки историография начала прошлого века за дореволюционные годы составляла продолжение историографии предшествовавших лет и борьбы течений в ней по отношению к конфессиональной проблеме в Российской империи. В то же время новый этап в развитии историографии проблемы наступил уже в советский период, о чем в тексте четко заявил сам автор (с. 37). Представляется при этом важным отметить, что А.С.Ряжев с полным на то основанием высоко оценил вывод А.И. Комиссаренко о принципиальном различии в политике государства по отношению к церкви при Петре I и Екатерине II, а также о политике по отношению к духовенству в целом

(с. 41). Вместе с тем справедливо отмечено, что в историографии последних лет усилилось внимание к политике просвещенного абсолютизма по отношению к неправославным конфессиям и к вопросам поликонфессиональности. Особо следует отметить внимательную проработку трудов зарубежных авторов (с. 50). Вместе с тем, по общей оценке А.С. Ряжеевым итогов изучения историко-конфессиональной проблематики в России периода просвещенного абсолютизма, эта проблематика оставалась малоизученной, что и делало проблему данной диссертации актуальной.

Использование историко-генетического метода проявилось в анализе ситуации в стране и на международной арене, которая определяла направление государственной политики в отношении неправославных конфессий. Справедливо указано на отказ от принципа конфессиализма при ее проведении с петровского времени, и это хорошо обосновано. Может быть, даже следовало вместе с тем указать вообще на пересмотр значительной части наследия в религиозном вопросе, доставшегося новой России от Московского государства допетровского времени. Одной из наиболее заметных сторон такого наследия была политика, направленная против католичества и вызванная длительным русско-польским противостоянием и сохранением прозелитизма в политике Святого Престола в отношении православия. Такое наследие вместе с тем преодолевалось с трудом. Борьба при Петре I с Османской империей, а затем с лютеранской Швецией предопределяла союз с католической Речью Посполитой, с Империей и с итальянскими государствами, в том числе сближение с Римом. О подобном сближении свидетельствуют первые увлекательные нарративы о пребывании в итальянских государствах, написанные П.Б. Шереметевым, П.А. Толстым, Б.И. Куракиным, в том числе неопубликованный статейный список последнего из названных авторов 1707 г. о пребывании посланником при папском дворе. Это также приглашение в Россию специалистов и мастеров из католических стран, итальянцев и французов, появление

католических общин, в том числе даже в окраинном Азове до Прутского мира. Вместе с тем такое сближение шло сложно. Так, Римская курия не вполне отказывалась от прозелитизма, а в России, допуская капуцинов и францисканцев, отказывались очень долго признавать иезуитов. Еще одной сложностью для властей был уход некрасовцев на Кубань осенью 1708 г. в обстановке разгрома Булавинского восстания, проанализированный за последнее время Д.В. Сенем. Этот уход имел оттенок бегства старообрядцев в поисках более благоприятных условий сохранения своей религиозной идентичности, а не только как спасение от угрозы прямого истребления. Эти предпосылки предопределили основные направления политики в отношении религиозных меньшинств, и их четко выделил А.С. Ряжев. Кроме того, можно согласиться с А.С. Ряжевым в том, что Игната Некрасова он оценивал как «одного из великих казачьих атаманов, достойных стоять в одном ряду с Ермаком или Степаном Разиным» (с. 98–99).

Справедливо указывает А.С. Ряжев на неблагоприятные последствия для правительства ухода старообрядцев-некрасовцев и на неудачные, хотя и настойчивые попытки их возвращения. Такое стремление связано было не только с тем, что уход некрасовцев подавал пример для других старообрядческих общин, которые также уходили за пределы государства. Неудача попыток их возвращения, кроме того, определялось «заветами Игната», по которым они оставались за рубежом, и даже активно участвовали в военных действиях против южной российской окраины, наводя на нее ногаев, проникали на Дон и во внутренние уезды в качестве шпионов и лазутчиков, о чем также пишет Д.В. Сень. А.С. Ряжев верно указывает, что в связи со значительным количеством старообрядцев в рядах казачества правительство использовало пополнение казачьих рядов тюркским, калмыцким элементом и украинцами, то есть теми, кто не относился к старообрядцам. Вместе с тем, как отмечает А.С. Ряжев, с таким пополнением была тесно связана миссионерская деятельность, причем для закрепления ее результатов даже запрещалась связь принявших православие служилых

представителей нехристианских народов с прежними единоверцами (с. 153–154). При этом, по его словам, миссионерство было до Екатерины II составной частью государственной деятельности (с. 159). Конечно, это являлось одной из целей такого пополнения, и с этим следует согласиться. Но, вместе с тем, имел место еще один способ противодействия старообрядчеству в казачьей среде. Он заключался в использовании исторических традиций казачества, в котором религиозная рознь между казаками-старообрядцами и их противниками была особенно острой в конце XVII в., о чем первым подробно писал еще В.Г. Дружинин. Едва ли случайно в станицах имела место ситуация, описанная есаулом Е.Кательниковым, когда, по его сведениям, его отец, станичный писарь, вел на станичных улицах яростные споры с местными казаками-«раскольниками». Имелись, кроме того, случаи ограничения в продвижении по службе, при том, что казаки-старообрядцы отличались исключительно добросовестным отношением к служебным обязанностям. Тем не менее, в последнем крупном выступлении донских казаков за свои права 1792–1794 гг. старообрядческий вопрос не просматривается вовсе, или просматривался очень слабо, и это говорит о том, что конфессиональная проблема была для казачества далеко не такой важной, как это было столетием ранее. Все это свидетельствует о сложности ситуации с положением этой части казачества и политикой властей в ее отношении. Также, по-видимому, было бы более желательно проследить религиозную составляющую в такой акции, как уход в 1771 г. калмыков в Джунгарию, который В.И. Колесник оценивал как последнее событие Великого переселения народов, и в котором определенную роль сыграло ламаистское духовенство.

А.С. Ряжев правомерно затрагивает вопросы, относящиеся к католическому миссионерству на территории России. Это не случайно, поскольку католическая церковь миссионерству уделяла весьма значительное внимание. Автор особо подчеркивает роль капуцинов в этой деятельности, которая велась ими при австрийской поддержке и работе их с местным

населением. К глубокому авторскому анализу этого вопроса, может быть, пожалуй, добавлено, что Рим всегда стремился добиться от российских властей свободного пропуска своих миссионеров для проведения пропаганды католичества через территорию России, в Персию и Китай. Это хорошо заметно, во всяком случае, уже в переговорах, которые велись при Петре I, в том числе во время миссии в Рим русского посланника князя Б.И.Куракина. И в дальнейшем отношения России с папским престолом, как это отмечает А.С. Ряжев, продолжали оставаться сложными. В частности, это проявилось в вопросе о диссидентах, когда Рим был решительно против предоставления диссидентам, за православную часть которых стояла Россия, религиозных и политических прав (с. 196), в вопросе о иезуитах (с. 202). Вместе с тем, очевидно, что при Екатерине II приобретал все более заметную роль вопрос об отношениях государства не только с католиками, но и с протестантскими течениями. В самом деле, для заселения и освоения южных территорий, вошедших в состав Российской империи после русско-турецких войн и присоединения Крыма, их стремились привлечь в качестве колонистов. В этой связи А.С. Ряжев обращает внимание на роль гернгутеров и на работу с ними русского правительства.

Анализируя явления религиозной жизни разных сообществ, А.С. Ряжев в отдельных случаях интересно и глубоко выходит на уровень новой биографической истории, показывая, как сложные общественно-исторические процессы преломляются в судьбах отдельных людей. Это не только делает авторские выводы более убедительными, но и показывает, что явления конфессиональной жизни и меры конфессиональной политики имели ярко выраженное человеческое измерение. Поэтому его исследование заполнено яркими образами разных людей, имевших отношение к изучаемым им явлениям. Особенно это проявилось в характеристике архиепископа Сестрэнцевича, «добротного католика», действия которого - полностью соответствовали политике Екатерины II (с. 435–443). Такой подход

А.С. Ряжева в некотором отношении приближается к современному идеалу культурно-антропологической ориентации научного исторического познания.

Диссертация А.С. Ряжева содержит ряд положений научной новизны. Есть основание согласиться с автором, что сама постановка исследовательской проблемы означает новый подход к решению сложных вопросов политики Российской империи в отношении религий в этнически пестром и разнообразном в конфессиональном отношении российском обществе. Новизна имеет место в авторском анализе проектов реформ, относившихся к церковной жизни, проектов модернизационного характера и весьма радикальных. Также представляется новизной авторский анализ роли религиозного фактора в процессе расширения рядов казачества за счет населения, в этническом, культурном и религиозном отношении отличающегося от большей части казачества, сложившейся значительно раньше. Обладает признаками новизны и имеет самостоятельную научную значимость интересный авторский анализ понятия просвещенного абсолютизма в историографии от эпохи Просвещения до наших дней (с. 65–79). Черты новизны имеют некоторые конкретные характеристики связи между диссидентским вопросом и некоторыми сторонами церковного реформирования внутри Российской империи. К чертам новизны может быть отнесен доказательный вывод о довольно значительной политической самостоятельности великой княгини Екатерины Алексеевны до ее вступления на престол в религиозном вопросе и во взаимоотношениях с католиками в России и на международной арене (с. 410–422). То же самое может быть отнесено к истории формирования текста Католического регламента 1769 г., которое, как выявил А.С. Ряжев, прошло несколько этапов (с. 423–430). Достоверность положений и выводов диссертации А.С. Ряжева, их научной новизны, опирается на комплексный анализ сформированной автором источниковой базы, включающей дела двадцати фондов из шести архивов, в том числе четырех центральных, одного республиканского и одного областного, а также широкого круга

опубликованных источников. Источниковая база, сформированная автором, репрезентативна, в ней находят отражение вопросы, относящиеся к теме политики Российской империи XVIII в. по отношению к религиозным меньшинствам, и отношение этих меньшинств к правительственной политике.

В отдельных случаях А.С. Ряжев выходит за географические рамки темы, обозначенные в ее названии. Так, например, это относится, когда он подробно (и интересно) говорит о ситуации в Курляндии, которая вошла в состав Российской империи по третьему разделу Речи Посполитой, но не относилась к Югу и Юго-Востоку России. Также представляется интересным вопрос об отношении к религиозным течениям, которые назывались сектами, таким, как хлысты, скопцы, молокане и т.д., в какой мере власть считала их опасными.

Теоретическая значимость исследования А.С. Ряжева видится в том, что оно вносит вклад в понимание политической системы абсолютной монархии и просвещенного абсолютизма, одной из существенных сторон которой является формирование и сплочение общества в пределах государственной территории на базе веротерпимости. Также она состоит в понимании нового характера отношений между церковью и государством, при котором православная церковь, сохраняя свое господствующее положение, должна была считаться с признанием государством права на существование вероисповеданий, которые ранее всячески ограничивались или запрещались. Практическая значимость состоит в том, что положения и выводы исследования А.С. Ряжева могут послужить основой для интересного спецкурса, а частично войти в общий курс отечественной истории.

Тема диссертации полностью соответствует указанной научной специальности – 5.6.1 – Отечественная история. Автореферат диссертации, а также публикации А.С. Ряжева в ведущих рецензируемых научных изданиях и в журналах из перечня ВАК соответствуют теме диссертации и написаны на необходимом качественном уровне. Положения и выводы, сделанные

автором диссертации, соответствуют поставленной в исследовании цели и конкретизирующим ее задачам. Язык и стиль автора полностью соответствуют представлениям о научном исследовании в исторических науках.

Основные положения, содержащиеся в автореферате, не вызывают возражений. Текст автореферата полностью соответствует тексту диссертации. Автореферат и публикации, среди которых 2 монографии и 21 публикация, рекомендованных ВАК для апробации результатов диссертационных исследований и 21 публикация в других изданиях, полностью отражают содержание диссертации, обеспечивая ее результатам необходимую достоверность и обоснованность.

Диссертационное исследование на тему «Политика Российской империи по отношению к религиозным меньшинствам на Юге и Юго-Востоке в XVIII в. (старообрядцы, мусульмане католики)» отвечает требованиям п. 9. Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Андрей Сергеевич Ряжев, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент
доктор исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история)

профессор кафедры специальных исторических дисциплин, методики преподавания истории и обществоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» (ул. Большая Садовая, д. 105, Ростов-на-Дону, 344006)

Тел.: +7-918-579-54-43

Электронный адрес оппонента: namininkov@sfnu.ru

Дата 08.11.2021

Мининков

Николай Александрович Мининков

подпись *Н.А. Мининкова*
верю
секретарь Совета
Федерального университета
Мирошниченко О.С.